

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 243–249, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-243-249
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 398

The Image of the Horse in the Epic Genres of Folklore of the Peoples of Dagestan

Fatima A. Alieva¹

¹ Ph. D. of Philology, Head of the Folklore Department of the Institute of Linguistics, Literature and Arts named after G. Tsadasa at the Dagestan Scientific Centre of the RAS (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: folkloriyali@mail.ru

Abstract

The article discusses the features of the image of the horse in folklore genres of the peoples of Dagestan — in epic poetry and fairy tales. As the material shows, the horse is represented in them according to their genre principles.

In genres of epic poetry — the heroic epos, the heroic-historical and historical songs — the horse serves as means of idealization of the epic hero, his fighting feats. In the Kumyk and Nogai heroic songs (“Song about Kartkozhak and Maksuman”, “Song about Dzhavat”, “Er-Targyl”, etc.), as well as in the Avarian, Dargin, Lak heroic-historical songs (“Brave Bekbulat”, “Kaplan, the son of Arslan”, “Batyr Huchulav”, etc.), the horse acts as the savior, the friend and the helper of the hero thanks to whom he wins a victory over the enemy. In epic poetry the horse is “black”, flies “as wind”, “as an arrow”, he speaks human language, prompts to the owner how to behave at a difficult moment.

Functions of the horse in fairy tales are also caused by an esthetic problem of a genre — to emphasize extraordinary abilities of the hero by means of fiction and fantasy.

Keywords: a fighting horse, genres of epic poetry — the heroic epos, heroic-historical and historical songs, the heroic hero, magic fairy tales, artistic means — epithets and metaphors.

Тема героического — одна из тем, характерных для устно-поэтического творчества народов Дагестана. Ряд жанров эпической поэзии — героический эпос, героико-исторические и исторические песни и баллады — традиционно развивает тему героических подвигов защитников родной земли, их богатырской силы и мощи. Произведения этих жанров характеризуются общностью черт, обусловленных преемственностью эпических традиций, заимствованием многих поэтических средств: тематики, сюжетной канвы, а также ряда поэтических приемов (мотивов и образов). Исследователь эпической поэзии народов Дагестана и Северного Кавказа А. А. Ахлаков путем сравнительно-исторического анализа обширного материала Северо-Кавказского региона, убедительно обосновав «проблему художественной преемственности в эпическом творчестве» [Ахлаков 1981: 13], показал, что сюжеты и образы героико-исторических песен горских народов Дагестана, по сути, являются результатом преемственного развития и трансформации архаичных героико-эпических фольклорных традиций в новых условиях [Ахлаков 1981: 192–226]. К одним из таких художественных образов, заимствованных из архаичных пластов героического эпоса поздними жанрами эпической поэзии, относится боевой конь.

Так, в героическом эпосе, наряду с гиперболизацией героя и его подвигов, изображается и его конь. Вместе с героем конь участвует в его боевых сражениях, помогает ему в самые решающие минуты. Конь — неременный друг героя. Он предупреждает его о приближении врага, выручает в бою, раненого уносит с поля боя. Такому коню верен и герой. Поэтому в самые трудные минуты герой обращается к нему как к равному себе, награждая его такими эпитетами, как *добрый*, *верный*. В героическом эпосе конь — «вороной», он летит «как молния», «как стрела». Так, в кумыкской героической песне «О Карткожаке и Максуман» приводится мотив помощи жеребенка (коня) своей хозяйке:

...В табуна жеребенок устал,
Кнутом бил, не поскакал жеребенок,
Из пистолета стрелял — не брало его,
Шашкой рубил — не резала
[Героический... 2015: 139].

Здесь подчеркивается неуязвимость коня как рудимента тотемистических представлений. Конь обладает даром речи, обращается к своему хозяину, подсказывает, куда идти, предлагает помощь:

...Оставив его, Карткожак дальше погнал
табуны,
Вернулся жеребенок к Максуман,
Как отец окликнул ее,
Как сестра, покачав, разбудил ее.
— Вставай ты, Максуман, вставай же...
Уводят табуны твои, погляди!
[Героический... 2015: 139]

Максуман отвечает:

Не встану, мой аргамак, не встану...

Конь обращается к ней вновь:

От тебя теперь, вай Максуман, польза есть,
Свой лук, из которого ты сотни раз стреляла,
возьми же,
...Моим седлом оседлай меня,
Словно ястреб на него сядь же,
Камчой трижды стегни меня...
В погоню за Карткожаком скачи же!
[Героический... 2015: 139]

Богатырю-казаку из кумыкской песни стоит только сесть на коня тулпара, как из-под его копыт пыль взвивается, и стоит его аргамаку лишь обогнуть стены, как враг испускает дух, будучи еще на расстоянии в один месяц.

В яркой и образной форме описаны конь и его способности в кумыкской «Песне о Джавате». Конь здесь сопровождает своего хозяина Джавата и неизменно присутствует во всех его деяниях, а умелое владение конем еще больше усиливает его доблесть и отвагу. В песне о Джавате поется:

Если рысью ты пускал коня, каменную
крепость разрушал,
А если вскачь пускал меня, поезд обгонял...

А сам конь Джавата был таков, что:

В пять [лет] его пятеро седлали,
В шесть [лет] говорил на человеческом
языке,
В семь [лет] доскакав до врага, его в бегство
обращал,
В восемь [лет] быстро настоящим конем
стал,

В девять [лет] девяносто разных подков
носил,
В десять [лет] дорогой попоной был укрыт
[Героический... 2015: 139].

Здесь дано образное описание качества и красоты коня. Этот же прием является одним из излюбленных и красочных элементов и в ногайском героическом эпосе, где образ богатырского коня также занимает важное место. В ногайском героическом эпосе, как и в кумыкских йырах, конь является ближайшим помощником и другом богатыря во всех его подвигах. Судьба богатыря неразрывно связана с его конем. В эпосе «Эр-Таргыл» образ богатыря Эр-Таргыла как бы сливается с его боевым другом:

Я не отстану от войска,
Если отстану,
Все свое богатство
Променяю на быстрого коня...

Или же:

Если умру на боевом коне,
Перед моим ногайским народом не пожалео
[Сикалиев 1994: 74–75].

Часто богатырский конь выступает в эпосе как единственный спаситель героя, и только благодаря коню он догоняет врагов и наказывает их. Самый лучший богатырский конь в кумыкском и ногайском эпосе называется «тулпар», «аргымяк» (аргамак). Кони знаменитых ногайских богатырей имеют свои имена: конь Копланлы — Курен, конь Таргыла — Карабоз, конь Шоры — Карагер и Кызылшал [Сикалиев 1994: 74–75].

И во многих эпических песнях, в частности в героико-исторических, конь выступает в функции помощника и верного друга. Герой Батыр Хучулав из лакской песни «Батыр Хучулав» [Лакские... 1969: 146] пока сам «одного убьет, десять его конь убивает»; героиня Парту Патима, подняв на дыбы разгоряченного коня, «бросилась в бой», а ее конь, «пляшущий, будто огонь», «пляшет под ней лев — ее конь вороной...» [Лакские... 1969: 132–133]. В даргинской балладе «Каплан, сын Арслана»: «...Каплан убил семерых, и конь его в гневе пятерых растоптал...» [Эпические... 2004: 79].

Одним из спутников героя песен становится его конь, изображенный с легким налетом сказочности. Герой часто клянется своим конем: «Быстрым клянусь я конем». Встречаются эпитеты метафорического плана, характеризующие коня, который «рушит горы на скаку».

В эпических песнях особенно интересны обращения героя к коню. В даргинской песне «Храбрый Бекбулат» герой Бекбулат обращается к коню с такими словами:

Ты, конь мой добрый,
Подойди ты ко мне,
Опустись ты на землю, как бык,
И как верблюд, поднимись
И неси меня, мой друг,
Не причиняя боли

[Эпические... 2004: 90].

И конь Бекбулата выполнил эту просьбу своего хозяина, он подошел к нему, «встал, как верблюд, и шел, не качая его».

Интересным является обращение героя одной из песен к своему коню:

Три месяца зеленой травой кормил,
Три месяца вареной пшеницей кормил,
Каждый день в теплой воде купал,
Оберегал от завистливых глаз,
Не жалея ничего, воспитал тебя,
Мой маленький гнедой конь

[Эпические... 2004: 90].

Все вышеизложенное подтверждает, что в героическом эпосе, наряду с изображением эпического героя, присутствует и его конь, верный помощник и друг. А. И. Алиева подчеркивает, что «нераздельность богатыря с конем — существенный признак богатырства в эпосе разных народов» [Алиева 1969: 338].

Конь воспевается и в эпосе кочевых народов. Так, в калмыцком эпосе «Джангар» образу коня отводится значительное место, в нем так описывается поведение коня перед его отправкой в путь: «Всю резвость — быстроту в прекрасные передние ноги вбирает, всю красоту свою в круп вбирает, всю остроту свою в глаза вбирает, в шесть пятей ушами прядет, массивными клыками бронзовые удила грызет». Кони героев в эпосе «Джангар» отличаются друг от друга своими богатырскими качествами [Борджанова 2007: 413]. Функции коня в калмыцкой богатырской сказке и героическом эпосе «Джангар» подробно рассмотрены и в других трудах [Манджиева 2015].

Конь присутствует и в известном башкирском сказании «Урал-Батыр», где также является помощником героя. Описание красоты коня здесь относится к наиболее разработанным «общим местам»: «грива расчесана, как у девушки», «дикий орлиный взгляд», поскачет — птицей взлетит» [Мурбалаева 2000: 32]. Но конь в сказании может стать другом только тому, кто приручит его. Покорить коня оказалось под силу только благородному богатырю Уралу. Поминка коня в сказании является оригинальной и отличается от аналогичного мотива во многих тюркских эпосах [Мурбалаева 2000: 33].

О мотиве «герой — конь» в эпической поэзии А. М. Аджиев пишет следующее: «Фольклорная инерция долго утверждает традицию изображения героя во взаимосвязях с его друзьями-животными даже в XVIII–XIX вв., когда о тотемизме и речи уже быть не могло. Однако образ коня здесь уже несет иные функции, чем в архаическом эпосе. Схема, коллизия „человек — конь“, их взаимоотношения перешли уже в традиционный художественный прием» [Аджиев 1983: 67].

Конь фигурирует не только в жанрах эпической поэзии, но и во многих богатырских и волшебных сказках народов Дагестана. Как и в героическом эпосе, конь в них — самый верный помощник и мудрый советчик героя. В сказках конь чаще всего — чудесный, волшебный, и такая функция сказочного коня обусловлена эстетической задачей жанра волшебной сказки, в которой чудеса, волшебство, необычайность составляют ее основное содержание. Конь в сказках выступает как волшебный сказочный помощник, способный прийти на помощь герою в любую минуту, исполнить любое его желание: конь-помощник доставляет героя в далекие края, похищает царевну, решает трудные задачи, разбивает вражью войско, спасает героя от погони и т. д.

Конь присутствует во многих лезгинских богатырских сказках о Шарвили. В них особенно распространен мотив добывания чудесного коня и меча. Характерно, что конь у Шарвили всегда белого цвета. Для того чтобы добыть чудесного коня, герою необходим и меч, поэтому мотивы добывания коня и меча часто переплетены. Иногда чудесный конь достается герою и со дна моря [Ганиева 1986: 111–114, 128].

В сказках конь, как правило, выступает на стороне героя в качестве его верного помощника. В даргинской сказке «Пастух и пастушка» [Дагестанские сказки] таким помощником героя выступает конь, который, как ветер, перелетев через железные ворота, доставляет его во дворец. В кумыкской сказке «О волке» [Сказки... 1989: 167] серая чудо-лошадь прилетела и помогла героям укрыться от поедавшего всех волка; старая кляча из лезгинской сказки «Дочь бедняка и Чигали» [Сказки... 1989: 177] превращается в красивую лошадь и верно служит своей героине.

С конем связаны и мотивы оборотничества в лакской сказке «Золотой башмак» [Сказки... 1989: 107]. В ней главная героиня — девушка, превращенная в лошадь, вновь принимает свой прежний облик.

Характерно, что и в сказках народов Северного Кавказа (адыгов, осетин, чеченцев и ингушей и др.) конь из помощников героя играет самую значительную роль. Конь в них проявляет сходство с конями эпических героев: он умеет разговаривать, подсказывает герою, как себя вести в ходе поединка, как следует поступить, помогает в выполнении трудных поручений. Необычными качествами наделен и новорожденный жеребенок. Необычность коня, проявившаяся сразу после его рождения, — характерная черта для сказок многих народов Кавказа. Сходно характеризуется и жеребенок нарта Сосруко в героическом нартском эпосе адыгов [Алиева 1986: 103–109].

Конь распространен и в сказочном эпосе карачаевцев и балкарцев: «Волшебный конь», «Младший брат Абоковых», «Зубаир» и др. [Карачаево-балкарские... 2006: 49, 99, 106].

В адыгских волшебных сказках конь проявляет сходство с конями эпических героев: умеет разговаривать, подсказывает герою, как себя вести в ходе поединка, как следует поступить, помогает в выполнении трудных поручений.

Волшебный конь в сказках часто бывает красной, черной, серой масти, нередко имеет и белый цвет. Именно в этой окраске, по мнению В. Я. Проппа, следует искать наиболее архаичную форму коня. «Белый цвет есть цвет существ, потерявших телесность. Поэтому привидения представляются белыми. Таким является и конь, и не случайно он иногда назван невидимым, „наличие в сказке белого, голубого коня и наличие его же в пред-

ставлениях, связанных с загробным миром, заставляет видеть именно в этой форме наиболее архаичную форму коня, а остальные масти признать реалистическими деформациями, тем более что эта форма коня вяжется с образом коня в целом и его связью с замогильным миром» [Пропп 1986: 176].

Таким образом, функции коня в сказках разнообразны: конь — обладатель разных мастей как стадially разных явлений, конь связан с потусторонним миром, конь связан с водой (образ морского коня очень распространен во многих сказках), конь связан с огнем (огнедышащие кони встречаются в различных сказочных вариантах). Огонь, наряду с животными, также представлялся посредником между двумя мирами. Когда появляется лошадь, роль огня переносится на лошадь — здесь соединяется культ огня с культом лошади.

Итак, образ коня в сказках многолик, и в каждом конкретном случае он отражает ту или иную ступень в развитии народных воззрений.

В сказках встречаются и летающие как ветер кони. Такой конь фигурирует в лезгинской сказке «Сад-Эскендер» [Сказки... 1989: 156], которая отражает сложную систему трансформированных отголосков мифологических представлений. Девушку по имени Тават-ханум унес к себе змей, который, оказывается, был красивым юношей Сад-Эскендером. Они полюбили друг друга, но Тават-ханум наступила на его змеиную шкуру, и он исчез. В поисках возлюбленного прошло несколько лет, и случайно девушка узнает, что он находится в плену у аждахи. На помощь к Сад-Эскендеру прилетает Конь-ветер. Обращаясь к герою, он говорит: «Ударь меня кнутом так, чтобы мясо врезалось в кости, а кости — в мозг, и тогда я перелечу на ту сторону реки» [Сказки... 1989: 157]. Все так и произошло. Конь-ветер, как верный друг, помогает герою, но конь-кляча, доставшийся аждахе, тонет вместе с ним в реке.

Мотив летящего как ветер коня приближен к мотиву коня, превращенного в птицу или летящего как птица. И эта ассоциация, возможно, показывает, что старые зооморфные образы еще не забыты и традиция превращения в летящую птицу ассоциируется с превращением коня в летящий ветер.

Как видим, особенности изображения образа коня вытекают из конкретных жанровых свойств рассматриваемого фольклор-

ного материала. В жанрах эпической поэзии конь служит средством идеализации эпического героя, его героических подвигов. В сказочных же сюжетах конь представлен в комплексе суждений о волшебных помощниках, которые действовали на той стадии развития сказки, когда ее герой нередко играл пассивную роль и за него все делали его помощники или волшебные средства. Помощник, в частности конь, доставляет его в далекие края, похищает царевну, решает трудные задачи, помогает в бою, спасает героя от погони. То есть функция коня имеет эстетическую направленность, она подчеркивает необычность героя: его смелость, решительность, благородство, героизм, проявляемые ради того, чтобы одержать победу на пути к достижению цели.

Источники

- Героический и героико-исторический эпос. М.: Наука, 2015. Т. 5: Свод памятников фольклора народов Дагестана. 588 с.
- Дагестанские сказки // Рук. фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Д. 256.
- Карачаево-балкарские народные сказки / сост., вступ. ст. и коммен. Р. А.-К. Ортабаевой. Черкесск: КЧИГИ, 2006. 257 с.
- Лакские эпические песни / подгот. текстов, пер., коммент. и предисл. Х. М. Халилова. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1969. 258 с.
- Сказки народов Дагестана / сост. Х. М. Халилов. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 271 с.
- Эпические песни даргинцев / сост., предисл., подгот. текстов, пер. и коммент. Ф. О. Абакаровой. Махачкала: ИПД ДГУ, 2004. 461 с.

Литература

- Аджи́ев А. М. Кумыкская народная поэзия. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1983. 120 с.
- Али́ева А. И. Поэтика нартического эпоса адыгов // Сказание о нартах — эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. 518 с.
- Али́ева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
- Ахлаков А. А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 231 с.
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Система жанров. Поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Ганиева А. М. В поисках легендарного героя. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. 150 с.
- Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» [электронный ресурс] // Сове-

- менные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: www.science-education.ru/121-18302 (дата обращения: 20.05.2016).
- Мурбалаева А. С. Башкирский эпос Урал-Батыр // Башкирский фольклор. 85 лет записи башкирского народного эпоса «Урал-Батыр»: сб. ст. Уфа: Гилем, 2000. Вып. IV. 301 с.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во МГУ, 1986. 367 с.
- Сикалиев А. И.-М. (Шейхалиев) Ногайский героический эпос. Черкесск: Изд-во КЧИГИ, 1994. 328 с.

Sources

- Dagestanskije skazki* [Daghestan tales]. *Ruk. fond IJaLIDNC RAN. D. 256*. [Manuscript collection of the Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Scientific Centre of the RAS] (In Russ.).
- Epicheskie pesni dargincev* [Epic songs of the Dargin people]. Comp., preface, text prepar. by F. O. Abakarova. Mahachkala, IPD DGU Publ., 2004, 461 p. (In Russ.).
- Geroicheskiy i geroiko-istoricheskiy jepos*. [Heroic and heroic-historical epos]. *Svod pamjatnikov fol'klora narodov Dagestana* [The Collection of folklore monuments of the peoples of Daghestan]. Moscow, Nauka Publ., 2015, vol. 5, 588 p. (In Russ.).
- Karachaevobalkarskie narodnye skazki* [Karachay-Balkar folk tales]. Comp., introd. article and the comment. by R. A.-K. Ortabaeva. Cherkessk, Karachay-Cherkess Institute for Humanities, 2006, 257 p. (In Russ.).
- Lakskie jepicheskie pesni* [The Laks epic songs]. Text prepar., transl., comment. and preface by Kh. M. Khalilov. Mahachkala, Dag. FAN SSSR Publ., 1969, 258 p. (In Russ.).
- Skazki narodov Dagestana* [Tales of the peoples of Daghestan]. Compiled by Kh. M. Khalilov. Mahachkala, Daguchpedgiz Publ., 1989, 271 p. (In Russ.).

References

- Adzhiev A. M. *Kumykskaja narodnaja poezija* [Kumyk folk poetry]. Mahachkala, Dag. Book Publishing House, 1983, 120 p. (In Russ.).
- Alieva A. I. *Pojetika nartского jeposa adygov* [The Poetics of the Nart epic of the Adyghe people]. *Skazanie o nartah — jepos narodov Kavkaza* [The Legend on the Narts — the epos of the Caucasian peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 518 p. (In Russ.).
- Alieva A. I. *Pojetika i stil' volshebnyh skazok adygskih narodov* [The Poetics and style of fairy tales of the Adyghe peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 280 p. (In Russ.).
- Akhlaqov A. A. *Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza* [Historical songs of the peoples of Daghestan and the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 231 p. (In Russ.).
- Bordzhanova T. G. *Obrjadovaja poezija kalmykov. Sistema zhanrov. Pojetika* [Traditional poetry of the Kalmyks. The system of genres. Poetics]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 592 p. (In Russ.).
- Ganieva A. M. *V poiskah legendarnogo geroja* [In search of the legendary hero]. Mahachkala, Dag. Book Publ., 1986, 150 p. (In Russ.).
- Mandzhieva B. B. *Kon' geroja v kalmyckoj bogatyrskoj skazke i v geroicheskom jepose «Dzhangar»* [Hero's horse in the Kalmyk heroic tale and heroic epos "Jangar"]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1 (In Russ.). Available at: www.science-education.ru/121-18302 (accessed: 20 May 2016).
- Murbalaeva A. S. [The Bashkir epos Ural-Batyr]. *Sbornik trudov Bashkirkij fol'klor. 85 let zapisi bashkirkogo narodnogo jeposa «Ural-Batyr»* [Collect. papers "Bashkir folklore. 85 years of the entry of the Bashkir folk epos "Ural-Batyr"]. Ufa, Gilem Publ., 2000, Vol. IV, 301 p. (In Russ.).
- Propp V. Ja. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Leningrad, MGU Publ., 1986, 367 p. (In Russ.).
- Sikaliev A. I.-M. (Shejkhaliiev) *Nogajskij geroicheskiy jepos* [The Nogai heroic epos]. Cherkessk, KChIGI Publ., 1994, 328 p. (In Russ.).

УДК 398

ОБРАЗ КОНЯ В ЭПИЧЕСКИХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНАФатима Абдуловна Алиева¹

¹ кандидат филологических наук, заведующая отделом фольклора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: folkloriyali@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изображения образа коня в жанрах фольклора народов Дагестана — в эпической поэзии и сказках. Как показывает материал, конь в них изображен в соответствии с их жанровыми принципами.

В жанрах эпической поэзии — в героическом эпосе, героико-исторических и исторических песнях — конь служит средством идеализации эпического героя, его боевых подвигов. В кумыкских и ногайских героических песнях («Йыр о Карткожаке и Максуман», «Йыр о Джавате», «Эр-Таргыл» и др.), а также в аварских, даргинских, лакских героико-исторических песнях («Храбрый Бекбулат», «Каплан, сын Арслана», «Батыр-Хучулав» и др.) конь выступает как спаситель, друг и помощник героя, благодаря которому он одерживает победу над врагом. В эпической поэзии конь — «вороной», летит «как ветер», «как стрела» — говорит человеческим языком, подсказывает хозяину, как себя повести в трудную минуту.

Функции коня в сказках также обусловлены эстетической задачей жанра — средствами вымысла и фантастики подчеркнуть необычайные способности героя.

Ключевые слова: боевой конь, жанры эпической поэзии — героический эпос, героико-исторические и исторические песни, эпический герой, волшебные сказки, художественные средства — эпитеты и метафоры.